

© 2011 г. Ю. КОНУМА

## ПОНЯТИЕ СУПЕРЛЕКСЕМЫ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯПОНСКОГО ГЛАГОЛА\*

В истории изучения японского глагольного аспекта внимание исследователей сосредоточивается на форме на *-te-i-*, которая может иметь и прогрессивное, и статально-перфектное (результативное) значение. В последние десятилетия ряд исследователей констатирует наличие в японском языке грамматической категории вида, выражаемой оппозицией формы на *-te-i-* (имперфектив) и формы без *-te-i-* (перфектив). В статье в качестве словоклассифицирующей категории, находящейся в тесном взаимодействии с семантикой формы на *te-i-*, рассматривается категория каузатива, основанная на понятии суперлексе́мы (А.А. Холодович). К рассмотрению предлагается модель японского глагольного аспекта, в соответствии с которой центром аспектуальности являются суперлексемы, состоящие из каузатива, имеющего в форме на *-te-i-* прогрессивное значение, и декаузатива, являющегося в данной форме результативом, иными словами, из предельной ситуации и соответствующего результирующего состояния.

### 1. ВСТУПЛЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена нескольким актуальным вопросам, касающимся японского глагола. Прежде всего она содержит обзор истории изучения японского глагольного аспекта в Японии с целью представить основную проблематику японской аспектологии, в центре внимания которой в последние десятилетия находится вопрос о наличии соответствующей грамматической категории, ее структуре и средствах выражения. Ввиду того, что для успешного решения данного вопроса необходимо сформулировать “системное основание” для трактовки категории вида<sup>1</sup> и выявить аспектуально релевантную классификацию глагола, во второй части работы (раздел 4) японский глагол рассматривается именно в данном ракурсе. Здесь, как представляется, существенную роль играет понятие суперлексемы, предложенное А.А. Холодовичем в его посмертно опубликованной монографии «Глагол в современном японском языке» [Холодович 1979б: 8–172].

Прежде чем начать обзор истории изучения японского глагола в Японии, приведем общую характеристику порядка расположения в глагольной словоформе тех морфем, которые актуальны для настоящей статьи (см. Таблицу 1)<sup>2</sup>. Полная картина порядка

\* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ); автору также хотелось бы выразить искреннюю благодарность Национальному институту исследований японского языка в Токио, в частности сотрудникам его библиотеки за понимание и поддержку в процессе подготовки данной статьи.

<sup>1</sup> В настоящей работе под «категорией вида» понимается «наиболее грамматикализованная часть поля аспектуальности» [Маслов 2004: 326] и соответственно под «видом» – аспектуальные граммы, объединенные в грамматическую категорию. Аспектуальное значение при этом понимается как семантика, относящаяся к семантическому полю аспектуальности.

<sup>2</sup> Японская глагольная словоформа обнаруживает смешение черт агглютинативного и флективного строя, поскольку в ней наблюдаются проявления фузии. Вследствие этого (и в силу некоторых других причин) значительную трудность представляет теоретически последовательное морфемное членение глагольной словоформы. Как показано в [Холодович 1979б: 19–28], возможны разные подходы к данному вопросу. Таким образом, сегментация глагольной словоформы, представленная в настоящей работе, не является единственно возможным решением.

расположения морфем в глагольной словоформе является намного более сложной, чем фрагмент, представленный в Таблице 1. Что касается несоставных глагольных синтаксисом, в грамматике порядков, представленной в [Алпатов 1983: 27–29], выделено 20 порядков, в которых располагаются такие морфемы, как показатели десидератива, гоноратива, адрессива, долженствования, отрицания и т.п. Предлагаются также довольно сложные правила сочетаемости и несочетаемости между порядками и/или подпорядками [Там же: 29–30]. Поскольку в настоящей работе рассматриваются главным образом категории каузатива и аспектуальности, в Таблице 1 представлены исключительно показатели, связанные с данными категориями. Следовательно, перед порядком 0, а также между приведенными в Таблице 1 порядками могут иметь место и другие порядки. Исключением является последовательность 0–1–2 (основа – суффикс каузатива – суффикс антикаузатива): интеркаляция других порядков в данную последовательность невозможна.

Таблица 1<sup>3,4</sup>

**Порядок расположения морфем внутри глагольной словоформы**

| 0              | 1                                              | 2                                          | 3                                                                                                                      | 4                                                                                              | 5                                           |
|----------------|------------------------------------------------|--------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------|
| основа глагола | Ø <sup>4</sup><br>суффикс каузатива<br>-(sa)s- | Ø<br>суффикс анти-<br>каузатива<br>-(ra)r- | Ø<br>показатели раз-<br>ных качествен-<br>но-аспектуаль-<br>ных значений<br>-te-k-<br>-te-ik-<br>-te-shima-<br>-te-ok- | Ø<br>показатели<br>прогрессива и/<br>или результа-<br>тива<br>-te-i-<br>-te-ar-<br>-tsutsu-ar- | суффиксы тем-<br>поральности<br>-u-<br>-ta- |

Глагольная форма при помощи суффикса каузатива может обозначать фактитивнос, пермиссивное или ассистивное значение (см. [Холодович 1969: 291–293]). Антикаузативная морфема<sup>5</sup> имеет пассивное или потенциальное значение<sup>6</sup>.

Суффиксы -u- и -ta- в порядке 5 имеют отношение к выражению темпоральности: форма на -u- трактуется как форма непрошедшего времени, форма на -ta- – как форма прошедшего времени. Один из показателей с темпоральной семантикой обязательно должен присутствовать в глагольной форме изъявительного наклонения, если она является финитной.

В традиции японистики форманты<sup>7</sup>, следующие за суффиксом -te-<sup>8</sup>, считаются вспомогательными глаголами, а сочетания последних с основой глагола, включающей

<sup>3</sup> Данная таблица составлена на основе таблицы, представленной в работе [Soejima 2007: 12].

<sup>4</sup> В Таблице 1 «Ø» обозначает, что возможен случай, когда ни один из показателей, относящихся к данному порядку, реально в словоформе не представлен.

<sup>5</sup> О полисемии антикаузативных морфем см. [Недялков В., Сильницкий 1969: 40–43].

<sup>6</sup> Антикаузативная морфема в потенциальном значении имеет формальный вариант -e-. В данном значении помимо двух литературных вариантов используется также вариант -re-, который не квалифицируется как нормативный. Ряд авторов усматривает наличие в японском языке двух омонимичных суффиксов: суффикса пассива и суффикса потенциалиса (см., например, [Алпатов и др. 2008: 122–127, 134–140; Лаврентьев 2009: 181–196, 210–219]).

<sup>7</sup> Об агглютинативном форманте и классификации морфем в японском языке см. [Алпатов и др. 2008: 61–64].

<sup>8</sup> Суффикс -te- чередуется с -de-, обнаруживая зависимость от последнего согласного в предшествующей форме глагола. Несколько условно в настоящей работе данный суффикс графически обозначается как «-te-».

суффикс *-te-*, – аналитическими формами глагола. В настоящей работе условимся называть такие сочетания «формами на *-te-*».

Когда речь идет о глагольном аспекте, большинство японских исследователей обращают внимание на морфемы в порядках 3, 4 и 5. Относительно порядка 4: форма на *-te-i-* образуется путем присоединения к суффиксу *-te-* форманта, восходящего к глаголу бытия *iru*<sup>9</sup> ('быть', 'существовать' при одушевленном субъекте), форма на *-te-ar-* – к глаголу бытия *aru* ('быть', 'существовать' при неодушевленном субъекте). Относительно порядка 3: формант *-k-* в форме на *-te-k-* восходит к глаголу *kuru* (глагол движения по направлению к говорящему – 'приходить, идти сюда'), *-ik-* в форме на *-te-ik-* – к глаголу *iku* (глагол движения по направлению от говорящего – 'уходить'), *-shima-* в форме на *-te-shima-* – к глаголу *shimau* ('заканчивать', 'завершать'), *-ok-* в форме на *-te-ok-* – к глаголу *oku* ('класть', 'ставить'). Форма на *-tsutsu-ar-* в порядке 4 образуется путем присоединения *-ar-* (восходящего к глаголу бытия *aru*) к форме на *-tsutsu-*, которая, функционируя как деспричастие, обозначает одновременность с другим действием<sup>10</sup>.

Рассматривая работы японских авторов, следует отметить следующее немаловажное обстоятельство. Многие из них при использовании японского как метаязыка в лингвистических трудах употребляют слоговые графические знаки, в том числе и для описания японских морфем. В силу этого морфемы глагольной формы, в которой имеет место фузия, не передаются графикой с необходимой степенью точности. Данная особенность, как предполагается, оказывает влияние на взгляды японских авторов относительно морфемики японского глагола. Чтобы дать (русским читателям) представление о данной ситуации, в настоящей статье при обсуждении работ японских исследователей принимается следующий вид записи: согласный в японском слоге обозначается прописной (латинской) буквой, гласный в том же слоге – строчной, однако в тех случаях, когда слог состоит из одиночного гласного, данный гласный также передается прописной буквой. Та, например, соответствует одной японской графической единице *タ* /ta/ и тем самым показывает, что в соответствующей японской графической единице гласный и согласный данного слога отдельно не описываются. В частности, используемое в настоящей работе графическое изображение «форма на *-TelKu*» (соответствует японскому написанию «*テレク*» (*テ* /te/, *レ* /i/, *ク* /ku/)) отличается от записи: «форма на *-te-ik-u*», передающей реальное морфемное членение. Как видим, при традиционном графическом изображении, принятом в японском письме, морфемный шов между *-ik-* и *-u* графически не выявляется.

## 2. ОБЗОР ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО АСПЕКТА В ЯПОНИИ

Историю изучения глагольного аспекта в Японии можно разделить на три периода. Принято считать, что основательному изучению данной проблематики положила начало статья Х. Киндаити 1950 г. [Kindaichi 1976: 5–26]. Однако поскольку до нее уже существовал ряд работ, на которые Киндаити опирался, время до этой публикации целесообразно отнести к первому периоду, который можно назвать подготовительным этапом в учении о японском глагольном аспекте.

Отметим некоторые примечательные работы, созданные в данный период.

<sup>9</sup> В этой работе глагольная лексема представляется в принятой словарной форме – форме на *-u*.

<sup>10</sup> В вышеуказанных формах на *-te-* в непринужденной устной речи между [te] и первым звуком следующего форманта с высокой частотностью наблюдается ассимиляция: форма на *-te-i-* не прошедшего времени *-te-i-ru* произносится как [-teru], та же самая форма прошедшего времени *-te-i-ta* произносится как [-teta]; форма на *teok-* не прошедшего времени *-te-ok-u* произносится как [-toku]; форма на *-te-shima-* не прошедшего времени *-te-shima-u* произносится как [-chau] и т.п.

Д. Мацусита в работе 1924 г. впервые отделил форму на *-TelRu*<sup>11</sup> от категории времени и определил ее как форму, указывающую на некий отрезок протекания действия во времени. Согласно автору, форма на *-TelRu* «обозначает результат полностью или частично завершенного действия<sup>12</sup>, обозначенного глаголом» [Matsushita 1924: 376].

Ё. Кобаяси в работе 1927 г. выделяет из категории времени категорию *doosa-tai* 'виды действия'<sup>13</sup>. *Doosa-tai* является «объективной дифференциацией действия, обозначенного глаголом», тогда как «прошедшее, настоящее и будущее – это виды субъективного познания ситуации» говорящим [Kobayashi 1927: 410]. Ё. Кобаяси рассматривал теоретические проблемы глагольного аспекта, опираясь главным образом на исследования аспекта и времени в индоевропейских языках. Однако, несмотря на обращение к традициям европейской грамматики, в отношении японского языка автор придерживается традиционного для японской грамматики понимания слова, согласно которому глагол расценивается как носитель лексического значения, а его грамматические значения реализуются отдельно от него при помощи «вспомогательных слов», которые в европейской грамматике могли бы быть классифицированы как аффиксы. Иными словами, автор не применил к японскому материалу понятие словоформы. Он относил *doosa-tai* к категориям «вспомогательного темпорального слова», но не к категориям глагола, что будет подвергнуто критике в монографии К. Сакумы 1936 г. [Sakuma 1983].

К. Сакума в данной работе, ссылаясь на работу Ё. Кобаяси, обратил внимание на то, что одно и то же «вспомогательное слово» *TelRu* обозначает и результативное (при присоединении к одним глаголам), и прогрессивное значение (в случае присоединения к другим). Из этого, как полагает автор, следует, что то или иное значение категории *doosa-tai* реализуется не во вспомогательном слове, а вследствие его присоединения к глаголу [Sakuma 1983: 167]. Автор отмечает также, что действия, обозначаемые теми глаголами, которые в формах на *-TelRu* передают процесс действия, сами обладают семантикой длительности, тогда как действия, обозначаемые теми глаголами, которые в формах на *TelRu* выступают в результативном значении, являются моментальными [Ibid.: 168]. Таким образом, К. Сакума впервые в Японии связал семантику аспектуальности с глагольной основой, введя тем самым аспект в круг глагольных категорий. Его работа оказала сильное влияние на исследование Х. Киндаити 1950 г.

Второй период открывает вышеупомянутая статья Х. Киндаити 1950 г. [Kindaichi 1976: 5–26]. Х. Киндаити, развивая идею К. Сакумы об аспектуальных значениях в глагольных словоформах, обнаруживает некую скрытую грамматику в лексических значениях глаголов. Основное достижение его работы 1950 г. заключается в том, что автор выдвинул аспектуально релевантную классификацию, охватывающую все японские глаголы: «...Мне хотелось бы предложить классификацию глаголов по типам протекания во времени обозначаемых ими действий. Ее можно было бы назвать классификацией японских глаголов с точки зрения аспекта» [Ibid.: 7]. Х. Киндаити разделил глаголы на четыре типа в соответствии с ответами на два поставленных вопроса: во-первых, употребляются ли они в формах на *-TelRu*, и во-вторых (в случае положительного ответа), какое аспектуальное значение порождается в данных формах. Результирующие группы глаголов:

<sup>11</sup> В Японии формы на *-te-* принято писать вместе с финитной формой вспомогательного глагола не прошедшего времени на *-u-*, и при таком описании, например, обозначение «форма на *-TelRu*» соответствует обозначению «форма на *-te-i-ru* и форма на *-te-i-ta*», т.е. «форма на *-te-i-* в не прошедшем и прошедшем времени».

<sup>12</sup> Говоря о «полностью» и «частично завершенных действиях», Д. Мацусита имеет в виду статальный перфект (результатив) и прогрессив соответственно.

<sup>13</sup> Слово *tai* (態) некоторые японские авторы употребляют в качестве словообразовательного суффикса в конце терминов, означающих то или иное аспектуальное значение. В настоящей работе данный суффикс условно переводится на русский язык как *вид*, но первое (*tai*) не является терминологическим эквивалентом последнего.

1. Первая группа: *jootai-dooshi* 'глаголы состояния'.

Глаголы данной группы не употребляются в формах на *-TelRu*. Они обозначают ситуацию, понимаемую «вне времени» или как «первичное состояние» (см. [Маслов 2004: 400]) – состояние, не предполагающее предшествующего предельного действия, например:

*aru* 'существовать', 'находиться' (при неодушевленном субъекте), *iru* 'существовать', 'находиться' (при одушевленном субъекте), *dekiru* 'мочь' и т.п.; все производные потенциальные глаголы с аффиксом *-(rar)e-*; сложные глаголы, образуемые путем присоединения глагола *sugiru* 'превышать' к прилагательному: *ooki-sugiru* 'быть слишком большим' и т.п.

2. Вторая группа: *keizoku-dooshi* 'процессуальные глаголы'.

Ко второй группе относятся глаголы, обозначающие действие, которое длится в течение некоторого времени. Они в формах на *-TelRu* представляют действие как процесс, действие в развитии:

*yomu* 'читать', *kaku* 'писать', *utau* 'петь', *nomu* 'пить', *osu* 'толкать', *aruku* 'шагать', *hataraku* 'работать', *huru* 'идти (о дожде, снеге и т.д.)' и т.п.

3. Третья группа: *shunkan-dooshi* 'моментальные глаголы'.

Глаголы третьей группы обозначают действие, которое реализуется мгновенно, завершаясь непосредственно после своего возникновения. Глаголы третьей группы в формах на *-TelRu* обозначают, что «действие завершено, но его результат остается» [Маслов 2004: 8]:

*sinu* 'умирать', *tsuku* 'загораться' (об огне или электричестве), *tomaru* 'останавливаться', *kekkon-suru* 'жениться, выходить замуж', *siru* 'узнавать' и т.п.

4. Четвертая группа: *dai-yonshu-no-dooshi* 'глаголы четвертого типа' («подходящего названия для данной группы мне в голову не приходит, поэтому я называю ее «глаголами четвертого типа»» [Там же: 9]).

Глаголы данного типа употребляются исключительно в формах на *-TelRu* и представляют состояние как результат завершения действия, обозначаемого глаголом, в чем они обнаруживают сходство с моментальными глаголами. Однако момент завершения действия находится, согласно автору, «вне времени», иными словами, данное состояние представляется как постоянный признак субъекта, в чем они оказываются сходными с глаголами состояния<sup>14</sup>:

*sobieru* 'возвышаться', *niru* 'становиться похожим', *sugureru* 'превосходить' и т.п.<sup>15</sup>

Большинство японских глаголов относятся ко второй или третьей группе<sup>16</sup> данной классификации и в формах на *-u* (без *-te-i-*) не могут обозначать настоящее актуальное.

Классификацию Х. Киндаити, подвергшуюся в дальнейшем критике ряда авторов, следует расценить как важную веху на пути изучения японского глагольного аспекта, поскольку она показала, под каким углом зрения нужно описывать структуру поля аспектуальности японского глагола. Нельзя не признать, что соотношение между лексико-грамматической системой глагола и семантикой глагольных форм на *-te-i-* составляет ядро системы японского глагольного аспекта, какую бы периферию ни прибавили к нему будущие исследователи.

Второй период, начавшийся со статьи Х. Киндаити, К. Создзима называет «этапом лексикографического описания глагольного аспекта» [Soejima 2007: 34]. Последователи Х. Киндаити работали в направлении внесения поправок в его классификацию и ее доработки. В центре внимания исследователей находились формы на *-TelRu*, *-TeARu*,

<sup>14</sup> Значение формы на *-te-i-* глаголов данной группы А.А. Холодович называет квазирезультативом [Холодович 1979а: 22].

<sup>15</sup> Вышеприведенные примеры взяты из [Kindaichi 1976: 9–10].

<sup>16</sup> В дальнейшем в настоящей работе мы будем следовать классификации Х. Киндаити; так, под «первой группой глаголов» понимается соответствующая группа по этой классификации, и т. д.

*TeSHiMaU*, *-TeKuRu*, *-TeIKu*, *-TeOKu*. Основным методом исследования состоял в отдельном описании значений и типов употреблений каждой формы при анализе очень большого по объему языкового материала, главным образом письменного. Такое описание не давало целостной картины семантики аспектуальности японского глагола, хотя оно было необходимо для дальнейшего систематического изучения категории аспекта в целом.

Начало третьему периоду положили статьи 1977 и 1978 г. Я. Окуды – лингвиста, возглавлявшего «Гэнго-гаку кэнкюу-кай» (Общество лингвистических исследований), организованное в 1956 г. Во второй половине XX в. японская лингвистика развивалась в нескольких направлениях: различаются главным образом направления, придерживающиеся японской лингвистической традиции, и направления, испытывающие влияние генеративизма. «Общество» отличается тем, что оно, будучи особенно внимательным к советской лингвистике, активно использовало учение о словосочетании В.В. Виноградова и применило его к материалу японского языка. Главным направлением его деятельности являлось создание новой грамматики японского языка и реформирование его преподавания в школе. «Общество» критически относилось к традиционному описанию морфологии японского языка, в котором основа глагола и его аффиксы рассматриваются как отдельные синтаксические единицы, утверждая, что в предложении значение той или иной грамматической категории глагола реализуется в словоформе<sup>17</sup>, взятой как целое, а не в каком-либо отдельном ее компоненте<sup>18</sup>. Под руководством Я. Окуды в деятельности «Общества» принимали участие такие лингвисты, как С. Судзуки, Т. Такахаси, М. Кудоо – именно они в основном и развивали японскую аспектологию в третий период, будучи солидарны друг с другом в том, что в японском языке имеется категория вида, проявляющая себя в оппозиции «*SuRu* – *SHiTelRu*»<sup>19</sup>.

Данная оппозиция впервые в Японии была признана видовой в статье С. Судзуки 1957 г. [Suzuki 1976], в которой автор назвал *SuRu* формой основного вида<sup>20</sup>, а *SHiTelRu* формой длительного вида, не комментируя, однако, в чем состоит «базисность» первой формы по отношению к последней [Ibid.: 65–66]. Однако исследования японского глагольного аспекта, опирающиеся на признание данной оппозиции, легли в основу магистрального направления в японской аспектологии не сразу после выхода в свет статьи С. Судзуки 1957 г., а несколько позже – после появления статей Я. Окуды 1977 и 1978 г. [Okuda 1985].

В этих статьях Я. Окуда критикует работы Х. Киндаити 1950 г. и его последователей за их «методологический недостаток»: в них форма *SHiTelRu*, признанная грамматической, не рассматривается в противопоставлении какой-либо другой форме, которая вместе с ней составляла бы грамматическую категорию. Автор утверждает, что если форму *SHiTelRu* признать грамматической, то она должна иметь свою оппозитивную форму [Ibid.: 89], и в качестве таковой предлагает форму *SuRu*, которая, как он пишет, «не расчленяет обозначенную глаголом ситуацию, а репрезентирует ее как целостную» [Ibid.: 100]. Значение целостности автор постулирует в данной форме на том основании, что она не может обозначать актуального настоящего. Он дает формам *SuRu* и *SHiTelRu*

<sup>17</sup> Справедливости ради следует отметить, что понятия словоформы и парадигмы глагольной лексемы не были чужды и традиционной японской лингвистике. Однако в ее понимании глагольная словоформа соответствует европейскому понятию основы, что является следствием того, что японская лингвистическая традиция отличается от европейской пониманием границ слова. Об особенностях японской лингвистической традиции см. в [Алпатов 1978].

<sup>18</sup> Согласно грамматике, созданной «Обществом», морфологическая система глагола в японском языке является флективной, тогда как система существительного – агглютинативной [Suzuki 1972: 38].

<sup>19</sup> *SuRu* означает форму непрошедшего времени глагола *suru* ‘делать’ без *-te-i-*. *SHiTelRu* – форму непрошедшего времени того же глагола в форме на *-te-i-*. Японские авторы этими двумя формами репрезентируют формальную сторону оппозиции категории вида в японском языке.

<sup>20</sup> Позже в работе 1972 г. С. Судзуки пересименует данную форму в «простую форму» [Suzuki 1972: 378].

следующие терминологические наименования: *kansei-soo* (форма целостного вида)<sup>21</sup> и *keizoku-soo* (форма длительного вида) соответственно.

В статьях Я. Окуды 1977 и 1978 г. также привлекает внимание его замечание, согласно которому противоречивость классификации Х. Кинданти возникает вследствие того, что автор ищет семантическое различие между глаголами второй и третьей группы относительно количественного параметра длительности ситуации, т.е. в оппозиции длительности и моментальности. В отличие от Кинданти, Окуда противопоставляет эти группы глаголов в качественном отношении: глаголы второй группы обозначают ситуацию, в которой субъект действия не подвергается изменению, тогда как глаголы третьей группы обозначают изменение состояния субъекта [Ibid.: 119].

После статей Я. Окуды фокус внимания исследователей сдвинулся от лексико-грамматических значений форм на *-te-* к грамматическим значениям форм *SuRu* и *SHiTeIRu*. И по сей день в Японии создаются многочисленные работы, посвященные вопросам семантики и функционирования данных форм. Из них наиболее примечательными являются работы Т. Такахаси и М. Кудоо.

В монографии Т. Такахаси 1985 г., посвященной проблемам категории вида и времени в японском языке, автор, отмечая, что оппозиция форм *SuRu* и *SHiTeIRu* не имеет непосредственного отношения к фазам обозначенной глаголом ситуации, определяет ее как оппозицию «нерасчлененность – расчлененность» ситуации, в связи с чем он вводит понятие *kijun-jukan* ('точка отсчета' или 'время наблюдения'). В случае использования формы длительного вида для обозначения ситуации точка отсчета находится внутри нее, тогда как в случае обозначения ситуации формой целостного вида она находится вне нее [Takahashi 1985: 11–13].

М. Кудоо проводит функционально-семантический анализ форм *SuRu* и *SHiTeIRu* в сферах таксиса и нарратива [Kudoo 1995]. Определяя грамматическую категорию аспекта как интерпретационную категорию, связанную с точкой отсчета, автор полагает, что главные функции форм категории вида сводятся к таксисным. Функциональная оппозиция форм *SuRu* и *SHiTeIRu* в сфере таксиса, согласно автору, заключается в противопоставлении последовательности и одновременности ситуации, обозначенной глаголом в этих формах, по отношению к другой ситуации в рамках полипредикативного комплекса<sup>22</sup>. Среди форм на *te-* в данную оппозицию вместе с формой *SuRu* может вступить только форма *SHiTeIRu*, чем последняя существенно отличается от остальных форм на *-te-*, выступающих в том или ином аспектуальном значении [Ibid.: 61–67]. В отношении функционирования рассматриваемых видо-временных форм глагола в нарративе М. Кудоо описывает их дискурсивные функции, в частности функции формы *SHiTeIRu*, заключающиеся во введении в текст аргумента или комментария рассказчика (так называемый нарративный перфект) [Ibid.: 111–116]. Исследовательница также внесла существенный вклад в организацию и развитие изучения глагольного аспекта на диалектном материале [Kudoo 2004].

<sup>21</sup> В настоящей статье японское слово *soo* (相), функционирующее аналогично слову *tai* в терминологии Ё. Кобаяси, также переводится на русский язык термином вид. Данный перевод так же, как в случае с *tai*, является условным. Русским словосочетанием «целостный вид» передано японское терминологическое наименование *kansei-soo*. Японское слово *kansei* означает, как правило, 'завершение' или 'совершение'. Однако, как уже было сказано выше, этим термином Я. Окуда обозначает целостность ситуации, но не «доведение действия до полного окончания». Данный перевод предлагается для того, чтобы передать смысл соответствующего японского термина.

<sup>22</sup> О понятии «полипредикативный комплекс» см. [Бондарко 2003: 237].

### 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО АСПЕКТА

Я. Окуда априорно определил, что японский язык имеет бинарную категорию вида, вероятно исходя из модели славянского вида, однако при этом он не описал специфики японской глагольной системы. Вследствие этого, несмотря на принятие рядом более поздних авторов трактовки оппозиции целостного и длительного вида как грамматической категории, до сих пор отсутствует единодушный ответ на вопрос, имеется ли в японском языке категория вида, и если «да», то что именно она собой представляет.

Авторы, признающие оппозицию целостного и длительного вида, часто представляют «видо-временные оппозиции японского глагола» так, как показано в Таблице 2.

Таблица 2

Схема соотношения времени и аспекта японского глагола,  
представляемая японскими авторами

|                   | Целостный вид | Длительный вид  |
|-------------------|---------------|-----------------|
| Непрошедшее время | <i>SuRu</i>   | <i>SHiTelRu</i> |
| Прошедшее время   | <i>SHiTa</i>  | <i>SHiTelTa</i> |

Как уже отмечалось выше, в Японии во второй половине XX в. возникла практика анализа глагольной категории на уровне словоформы, что значительно продвинуло японскую лингвистику. В результате, однако, вместе с традиционной грамматикой стал игнорироваться и морфемный анализ. К тому же, как упоминалось выше, в лингвистических работах, написанных по-японски, морфемный состав словоформы графически точно не передается. Вследствие этого в Японии почти не рассматривается вопрос о нулевой форме. Данное обстоятельство затрудняет морфологический анализ японского глагола, что, в частности, видно и по Таблице 2. В случае принятия такой схемы возникает вопрос: сводятся ли все видовые противопоставления японского глагола к оппозиции формы на *-te-i-* и формы без *-te-i-*?

Далее, обозначая глагольную форму с незаполненным четвертым порядком формой на *-Ø-*, условно будем говорить об оппозиции формы на *-te-i-* и формы на *-Ø-*.

Сначала вкратце рассмотрим частные значения формы на *-te-i-*. В Японии было выполнено достаточное количество описательных работ, посвященных данному вопросу<sup>23</sup>. Частные значения формы на *-te-i-* можно представить, основываясь на классификации М. Кудоо [Kudoo 1982], следующим образом:

#### Частные значения формы на *-te-i-*

##### 1. Прототипические значения:

###### 1) Прогрессив:

- 1) *Hanako wa ima hon o yon-de-i-ru.*  
Hanako TOP сейчас книга ACC читать-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
'Ханако сейчас читает книгу'.

###### 2) Статальный перфект (результатив):

- 2) *Mado ga ai-te-i-ru.*  
окно NOM открываться-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
'Окно открыто'.

##### 2. Периферийные значения:

- 1) В итеративном контексте, реализуемом при помощи соответствующего адвербиала, данная форма может выступать как итератив:

<sup>23</sup> Например: [Suzuki 1976: 63-95; Hujii 1976: 97-116; Kudoo 1982: 51-88; Takahashi 1985].

- 3) *Hanako wa mainichi hon o yon-de-i-ru.*  
 Hanako TOP ежедневно книга (книги) ACC читать-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
 'Ханако каждый день читает книгу (книги)'.

Ср. со следующим синонимичным высказыванием, содержащим перфективную форму:

- 4) *Hanako wa mainichi hon o yom-Ø-u.*  
 Hanako TOP ежедневно книга (книги) ACC читать-PFV-NPST  
 'Ханако каждый день читает книгу (книги)'.

2) Акциональный перфект (прошедшее для аргументации):

- 5) *Puushikin wa 1799-nen ni umare-te-i-ru.*  
 Пушкин TOP 1799-год DAT рождаться-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
 'Пушкин родился в 1799 году'.

Ср. со следующим синонимичным высказыванием, содержащим перфективную форму:

- 6) *Puushikin wa 1799-nen ni umare-Ø-ta.*  
 Пушкин TOP 1799-год DAT рождаться-PFV-PST  
 'Пушкин родился в 1799 году'.

Форма на *-te-i-* во втором периферийном значении, которое можно трактовать как расширенный акциональный перфект, является подобием простого претерита. В данном значении в форме на *-te-i-* может выступать любой глагол второй и третьей группы, причем она зачастую сопровождается обстоятельственным указателем на момент завершения действия. Предложения (5) и (6) являются синонимами. Но, согласно М. Кудоо, форма на *-te-i-ru*, в отличие от формы на *-Ø-ta*, употребляется в случае наличия у субъекта речи интенции использовать констатацию данного факта в прошлом как аргумент в пользу формулируемого утверждения [Kudoo 1989: 96–98]. При этом констатация факта часто опирается не на свидетельство самого субъекта речи, а на документы, свидетельства других людей и т.п. (т. е. выражается эвиденциальное значение косвенной засвидетельствованности). Форма на *-te-i-ru* в данном значении особенно часто используется в научном повествовании об исторических событиях, в речи выступающего в судебном процессе (адвоката, прокурора), в публицистическом изложении происшествий и т.п., тогда как форма на *-Ø-ta* употребляется прежде всего в бытовой устной речи<sup>24</sup>.

Относительно квазирезультативного значения формы на *-te-i-*, т.е. значения результата, который «не предполагает наличие исходного предельного глагола» [Холодович 1979а: 22], можно условиться считать его разновидностью стательного-перфектного значения данной формы. Как было упомянуто выше, глаголы, выступающие в данном значении исключительно в форме на *-te-i-*, Х. Киндаити выделил в четвертую группу своей классификации. Но квазирезультативное значение могут иметь в форме на *-te-i-* и некоторые глаголы третьей группы. Реализация квазирезультатива зависит от характера денотативной ситуации, обозначаемой глаголом, или «места наблюдателя» [Апресян 1986].

- 7) Глагол четвертой группы *sobieru* 'возвышаться':  
*Nepaaru ni wa takai yama~yama ga sobie-te-i-ru.*  
 Непал DAT TOP высокий гора~PL NOM возвышаться-CNV-AUX.  
 IMPFV-NPST  
 'В Непале возвышаются высокие горы'.

<sup>24</sup> О подробностях данного значения формы на *-te-i-ru* также см. [Kudoo 1995: 96–146].

- 8) Глагол третьей группы *magaru* 'сгибаться, поворачиваться':

*Kugi ga magat-te-i-ru.*  
гвоздь NOM сгибаться-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
'Гвоздь гнутый (согнут)' (результатив).

- 9) Тот же самый глагол:

*Michi wa migi ni magat-te-i-ru.*  
дорога TOP право DAT поворачиваться-CNV-AUX.IMPFV-NPST  
'Дорога поворачивает направо' (квазирезультатив).

Последняя денотативная ситуация может обозначаться тем же самым глаголом без формы на *-te-i-* при наблюдателе, перемещающемся по дороге [Там же: 25]:

- 10) *Michi wa migi ni magat-Ø-ta.*  
дорога TOP право DAT поворачиваться-PFV-PST  
'Дорога повернула направо'.

Исходя из вышесказанного, форму на *-te-i-* можно считать имперфективом. Однако, как показывает сопоставление итеративного употребления форм на *-te-i-* и на *-Ø-* в примерах (3) и (4) соответственно, а также синонимичность примеров (5) и (6), в двух периферийных значениях форма на *-te-i-* уже не вступает в оппозицию с формой на *-Ø-*.

Среди японских авторов дискуссионным считается прежде всего вопрос о семантике формы на *-Ø-*. На наш взгляд, согласие или несогласие японских исследователей с трактовкой Я. Окуды японской категории вида как оппозиции целостного и длительного вида главным образом зависит от того содержания, которое они вкладывают в его термин «целостный вид». Я. Окуда представлял категорию вида в японском языке, ориентируясь, вероятно, на модель русского вида, и понятие «целостности» он заимствовал из русской аспектологической терминологии. Однако исследователь не адаптировал данное понятие к японскому глаголу. Те, кто под «целостностью» (термин Я. Окуды) понимает завершенность действия или отождествляет перфектив и комплетив, не склонны согласиться с его трактовкой в силу того, что глагол в форме на *-Ø-* без поддержки контекста не может обозначать завершенного действия. Ё. Суда отмечает, что реализация значения «завершение действия» в форме на *-Ø-* находится в сильной зависимости от контекста и состоит главным образом в противопоставленности форме на *-te-i-*, поскольку форма на *-Ø-* представляет собой немаркированный член оппозиции [Suda 2010: 28]<sup>25</sup>.

Форма на *-Ø-* может выступать и при обстоятельстве длительности типа *ichinichi-juu* 'целый день', *go-jikan* 'пять часов', *nagai-aida* 'долго', и при инклюзивном обстоятельстве времени типа *ichinichi-de* 'за один день', *go-jikan-de* 'за пять часов'.

- 11) *Kino wa go-jikan repooto o kai-Ø-ta.*  
вчера TOP пять-часов реферат ACC писать-PFV-PST  
'Вчера (я) пять часов писал(а) реферат'<sup>26</sup>.

<sup>25</sup> М. Мория считает, что категория вида японского глагола состоит в оппозиции «длительность – недлительность» [Moriya 1994: 67].

<sup>26</sup> Поскольку в японском языке нет грамматических категорий лица и числа, теоретически субъектом действия в ситуации, обозначенной данным японским предложением, может быть любое лицо в любом числе. Однако ввиду того, что в реальной речевой ситуации в случае, когда в высказывании не обозначается субъект действия, при этом отсутствует тот или иной показатель эвиденциальности, без поддержки контекста субъект действия, как правило, понимается как первое лицо в единственном числе, в настоящей статье при подобных японских примерах в русском переводе в скобках условно указывается первое лицо в единственном числе в качестве субъекта действия.

- 12) *Repooto o go-jikan-de kai-Ø-ta.*  
реферат ACC пять-часов-INS писать-PFV-PST  
'(Я) написал(а) реферат за пять часов'.

Форма на -Ø- не представляет собой «событийный» перфектив<sup>27</sup>, характерный для русского СВ, что демонстрируется сопоставлением японских предложений, где выступают формы на -Ø-, с их русскими эквивалентами в работе Ю. Канэко [Канэко 2005: 84–85]. Глаголы в форме на -Ø- в японских предложениях соответствуют русским переводным эквивалентам и в СВ, и в НСВ, в зависимости от лексического значения глагола и контекста.

Как представляется, понятие «целостность ситуации» не приравнивалось к ее завершенности ни самим Я. Окудой, ни такими его сторонниками, как Т. Такахаси и М. Кудоо. Они считали, что целостность – это не комплетивность, не точечность ситуации, а ее относительная единичность в сопоставлении с расчлененностью или большей длительностью другой ситуации. Именно исходя из этого, Т. Такахаси вводит понятие точки отсчета, а М. Кудоо подчеркивает существенную таксисную составляющую в оппозиции форм на *-te-i-* и на -Ø-.

В пределах качественного аспекта противопоставление форм на -Ø- и на *-te-i-* представляется как оппозиция перфектива лимитативного типа<sup>28</sup> и дуратива<sup>29</sup>. Поскольку, как пишет В.А. Плунгян, функция перфектива лимитативного типа ограничивается указанием на «вложенность ситуации»<sup>30</sup>, обозначенной глаголом, в фоновое время, он может допускать не только точечную, но и длительную интерпретацию ситуации, если ее длительность укладывается в более широкий фоновый отрезок времени (ср. в примере 11 отношение «пяти часов» к целым суткам «вчера»). Поэтому с лимитативом сочетается и инклюзивное обстоятельство времени, и обстоятельство длительности. Форму на *-te-i-* как форму дуратива можно считать маркированным и интенсивным членом в противопоставлении форме на -Ø- в силу выраженности признака «интратерминальность» [Маслов 2004: 339].

Однако безусловному признанию такой грамматической оппозиции в японском языке препятствует следующий момент. М. Кудоо считает оппозицию целостного и длительного вида в наибольшей степени грамматикализованной, основываясь на том, что эта оппозиция удовлетворяет всем критериям грамматической категории, в том числе критерию обязательности [Kudoo 1995: 31]. Но, насколько нам известно, до сих пор не доказана обязательность выбора именно между формами на -Ø- и на *-te-i-*. Как показано в Таблице 1, помимо показателя *-te-i-* аспектуальные значения выражаются и другими показателями (в порядках 3 и 4). В порядке 4 в ассортименте возможных форм участвуют не только показатели -Ø- и *-te-i-*, но и *-te-ar-* и *-tsutsu-ar-*, что отвергает идею бинарности оппозиции формы на *tei-* и формы на -Ø-. В частности, К. Создзима считает, что по грамматической категории вида противопоставлены не только формы на -Ø- и на *-te-i-*, но и формы на *-te-ar-* и на *-tsutsu-ar-*, т.е. в данной оппозиции участвуют все показатели порядка 4 [Soejima 2007].

В настоящей работе не проводится анализ аспектуальных значений форм на *-te-ar-*, *tsutsu-ar-* и других форм с показателями 3-го порядка и не обсуждается вопрос о грамматическом статусе перфектива и имперфектива в японском языке (т.е. о том, являются они граммемами или квазиграммемами). Поскольку мы полагаем, что для разрешения

<sup>27</sup> В рамках понятия «событийный перфектив» В.А. Плунгян объединяет два типа перфектива: перфектив мгновенности / кратности и перфектив комплетивного типа. Согласно автору, событийному перфективу противопоставляется «лимитативный перфектив». См. [Плунгян 1998: 375–379].

<sup>28</sup> См. [Плунгян 1998: 379].

<sup>29</sup> Под показателем дуратива мы понимаем, согласно В.А. Плунгяну, показатель, который может обозначать срединную фазу и у состояний, и у процессов [Плунгян 2003: 300].

<sup>30</sup> См. [Плунгян 1998: 377–378].

данного вопроса следует представить общую структуру системы японского глагольного аспекта, а не только оппозицию перфектива и имперфектива, далее будет рассматриваться аспектуально релевантная словоклассифицирующая категория японского глагола. Анализ данной системы, как представляется, будет способствовать разрешению поставленных вопросов об оппозиции перфектива и имперфектива в соотношении с другими аспектуальными формами.

#### 4. «СУПЕРЛЕКСЕМА» А.А. ХОЛОДОВИЧА КАК ЯВЛЕНИЕ СКРЫТОЙ ГРАММАТИКИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНОГО АСПЕКТА

С нашей точки зрения, «двухкомпонентная теория вида» К.С. Смит [Смит 1998] применительно к японской системе глагольного аспекта в достаточной степени обнаруживает свою адекватность ввиду того, что в структуре японской глагольной словоформы сферы компетенции каждого из «двух типов аспектуальной информации» [Там же: 404] выражаются раздельно. Оппозиция лимитативного перфектива и имперфектива относится, вероятно, к «аспектуальному ракурсу» по К.С. Смит [Там же: 410–413]. Следовательно, для описания общей структуры японского глагольного аспекта требуется также описание «ситуационных типов» [Там же: 408–410] и взаимодействия этих двух подсистем.

С этой точки зрения ошибочным в концепции Я. Окуды является не его трактовка оппозиции целостного и длительного вида, на что обычно направлена критика более поздних японских авторов, а то, что он не придавал надлежащего значения работе Х. Киндаити 1950 г. Я. Окуда не понимал, что Х. Киндаити и он сам рассматривают разные подсистемы – два полюса аспектуальной системы (в рамках двухкомпонентной теории вида К.С. Смита). Х. Киндаити, как уже говорилось, не трактовал грамматическую категорию вида, а предложил аспектуально релевантную классификацию японских глаголов, т.е. скрытую грамматику, к которой К.С. Смит относит систему ситуационных типов.

Попытку обнаружить в японской глагольной системе скрытую грамматику путем тестирования глагольной лексики на сочетаемость с показателем *-te-i-* предпринял не только Х. Киндаити в своей статье 1950 г., но и А.А. Холодович в статье 1963 г. «О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков)», в которой автор впервые применил ставшую весьма употребительной в аспектологии формулировку «состояние с одной степенью свободы» [Холодович 1963: 10]. Как уже было отмечено, Х. Киндаити работал над статьей 1950 г. в современном ему японском научном контексте, не обращаясь ни к понятию скрытой грамматики, ни к понятию предельности. А.А. Холодович при написании статьи, возможно, имел в виду вендлеровскую классификацию английских глаголов (напомним, что хронологически между работами Киндаити и Холодовича располагается статья З. Вендлера, опубликованная в 1957 г.). А.А. Холодович пытается найти формальное обоснование разбиению глаголов японского и корейского языков на предельный и непредельный класс. Исследователь рассчитывал, что форма на *-te-i-* послужит «лакмусовой бумажкой» для разделения японских глаголов на предельные и непредельные. Иными словами, он предположил наличие тесной взаимосвязи между формой на *-te-i-* и предельностью, занимающей центральную зону в функционально-семантическом поле аспектуальности. Однако эта форма не оправдала ожиданий исследователя вследствие своей двоякой семантики: реализации и прогрессивного, и результативного значений. А.А. Холодович был вынужден сделать отступление от своего научного принципа, согласно которому выделение классов, как он пишет, «имеет лингвистический смысл, если оно имеет формальные, или материальные, основания» [Там же: 4]. Исследователю «приходится обратиться к процедуре интерпретации, т.е. к процедуре соотнесения факта языка с фактом действительности» [Там же: 7]. Для этого А.А. Холодович заимствовал из физики понятие «степень свободы».

Форма на *-te-i-* обращает на себя наше внимание своей нестандартной полисемичностью. В ее частных значениях можно наблюдать следы нередкого в языках мира

эволюционного процесса развития перфекта. Нестандартность заключается в том, что наряду со значениями, располагающимися на эволюционной линии перфекта, форма имеет и прогрессивное значение. Согласно И.В. Недялкову, японский язык входит в немногочисленную группу языков, в которых МФ (многозначная форма. – Ю. К.) выражает «в зависимости от лексического значения глагола и контекста либо прогрессивное, либо перфектное и/или результативное значение» [Недялков И. 1988: 225]<sup>31</sup>. В этом отношении, если такая полисемичная форма входит в состав видовой оппозиции, то типологический интерес представляет вопрос о том, на какую системную поддержку языка опирается данная форма, иными словами, имеется ли в языке некая категория (например, словоклассифицирующая), которая находилась бы в тесном взаимодействии с категорией вида.

Начиная с середины XVIII века в японской лингвистике активно обсуждаются вопросы о парных по переходности глаголах. В России А.А. Холодович отмечает, что в японском языке имеется примерно 250 простых<sup>32</sup> непереходных глаголов, от которых не образуются морфологические каузативы [Холодович 1969: 271]. Данные непереходные глаголы имеют свой соответствующий однокоренной переходный глагол, с которым вступают в корреляцию контактной каузации, т.е. парные по переходности глаголы соотносятся как декаузатив и каузатив<sup>33</sup> одной и той же «серии» ситуаций, обозначаемых разными аспектуальными формами данных парных глаголов. Но в японской лексикографии традиционно они регистрируются отдельно как разные вокабулы в силу того, что их формальные отношения не регулируются правилами продуктивной формальной деривации.

Э. Хаяцу, анализирующая семантическое отличие парных переходных от непарных переходных и парных непереходных от непарных непереходных глаголов, приходит к следующим выводам. Большое количество парных переходных глаголов содержит семантический компонент «изменение состояния объекта», тогда как у непарных переходных он отсутствует [Hayatsu 1989: 231–256]. В большинстве случаев при парных непереходных глаголах субъектом является неодушевленный предмет и глаголы обозначают изменение состояния субъекта как результат каузации. При этом каузирующим может быть одушевленный аргумент или стихийное явление, либо же субъект может изменяться сам по себе [Hayatsu 1987: 77–109].

Помимо лексической (де)каузативации в японском языке имеется морфологический способ (анти)каузативации. Между этими двумя классами наблюдается формальное соответствие: операторами морфологической каузативации и антикаузативации являются, как указано в Таблице 1, аффиксы *-(sa)s-* и *-(ra)r-* соответственно, лексическими же операторами – *-s-* и *-r-* или *-as-* и *-ar-*. Помимо последних при лексической (де)каузативации в качестве операторов функционируют типы спряжения глагола.

Обнаруживается несколько типов формальной деривации лексической (де)каузативации. По объему коррелирующих форм наблюдаются три типа деривации: 1) формально объемы каждого из членов пары равны; 2) каузатив «больше» декаузатива, т.е. наблюдается деривационная направленность от декаузатива к каузативу; 3) декаузатив «больше» каузатива, т.е. наблюдается деривационная направленность от каузатива к де-

<sup>31</sup> Помимо японского к данной группе относятся, согласно И.В. Недялкову, такие языки, как монгольский, карачаевский, сенека, китайский, узбекский и нивхский [Недялков И. 1988: 225].

<sup>32</sup> Простым глаголом называется глагол, основа которого содержит один корень. В японском языке есть и сложные глаголы, т.е. имеющие в своем составе более чем один корень. Изучение структуры сложных глаголов представляет значительный интерес. В сложных глаголах некоторые занимающие вторую позицию корни, будучи достаточно абстрактными, функционируют наподобие русских приставок. В силу этого сложные глаголы с занимающими вторую позицию абстрактными корнями могут обозначать такие способы действия, как ингрессивный, интенсивно-результативные и т.д. Однако в настоящей статье обсуждение японского глагольного аспекта ограничено простыми глаголами.

<sup>33</sup> Термины «каузатив» и «декаузатив» в настоящей работе не соотносятся с направлением формальной деривации между соответствующими глаголами.

каузативу. К. Окуцу [Okutsu 1967: 50–58] предлагает классификацию типов формальных дериваций в соответствии с этими тремя типами соотношения между членами пары: 1) Polarization (типа «*kae-r-a*– ‘возвращаться’ ↔ *kae-s-a*– ‘возвращать’»); 2) Transitivity (типа «*kawak-a*– ‘сохнуть’ → *kawak-as-a*– ‘сушить’»); 3) Intransitivity (типа «*tag-ar-a*– ‘сгибаться’ ← *tag-e*– ‘сгибать’»)<sup>34</sup> [Okutsu 1967: 51]. Сложным, пока не нашедшим своего ответа является вопрос о трактовке различных типов соотношения между семантической и формальной деривациями. Ниже представлены иллюстрации типов формальной деривации.

### Типы формальной деривации

#### 1. Polarization

##### 1) Полное совпадение форм членов пары (лабильные глаголы):

*hirak-a*– ‘раскрываться’ / *hirak-a*– ‘раскрывать’; *mas-a*– ‘увеличиваться’ / *mas-a*– ‘увеличивать’; *toj-i*– ‘закрываться’ / *toj-i*– ‘закрывать’.

##### 2) Поляризация при посредстве типов спряжения:

###### а) декаузатив I<sup>35</sup> / каузатив III:

*ak-a*– ‘открываться’ / *ak-e*– ‘открывать’; *katamuk-a*– ‘склоняться’ / *katamuk-e*– ‘склонять’; *katazuk-a*– ‘быть прибранным’ / *katazuk-e*– ‘прибирать’; *sodat-a*– ‘воспитываться’ / *sodat-e*– ‘воспитывать’; *tat-a*– ‘стоять’, ‘строиться’ / *tat-e*– ‘ставить’, ‘строить’ и т.д.

###### б) декаузатив III / каузатив I:

*hodok-e*– ‘развязываться’ / *hodok-a*– ‘развязывать’; *kir-e*– ‘разрезаться’, ‘выключаться’ / *kir-a*– ‘резать’, ‘выключать’; *or-e*– ‘ломаться (о палке)’ / *or-a*– ‘ломать (палку)’; *war-e*– ‘разбиваться’ / *war-a*– ‘разбивать’; *yak-e*– ‘гореть’, ‘печься’ / *yak-a*– ‘жечь’, ‘печь’ и т.д.

##### 3) Поляризация при посредстве (де)каузативных операторов:

###### декаузатив I, -r- / каузатив I, -s-:

*kae-r-a*– ‘возвращаться’ / *kae-s-a*– ‘возвращать’; *mawa-r-a*– ‘вращаться’, ‘крутиться’ / *mawa-s-a*– ‘вращать’, ‘крутить’; *nao-r-a*– ‘исправляться’, ‘поправляться’ / *nao-s-a*– ‘исправлять’, ‘чинить’, ‘излечивать’; *na-r-a*– ‘становиться’ / *na-s-a*– ‘делать’, ‘образовать’; *utsu-r-a*– ‘перемещаться’ / *utsu-s-a*– ‘перемещать’ и т.д.

##### 4) Поляризация при посредстве типов спряжения и (де)каузативных операторов:

###### а) декаузатив I, -r- / каузатив III, -s-:

*no-r-a*– ‘садиться’ / *no-s-e*– ‘сажать’; *yo-r-a*– ‘приближаться’ / *yo-s-e*– ‘приближать’.

###### б) декаузатив III, -r- / каузатив I, -s-:

*hana-r-e*– ‘отделяться’, ‘отдаляться’ / *hana-s-a*– ‘отделять’, ‘отдалять’; *kaku-r-e*– ‘прятаться’ / *kaku-s-a*– ‘прятать’; *kowa-r-e*– ‘ломаться (о машине)’ / *kowa-s-a*– ‘ломать (машину)’; *tao-r-e*– ‘падать’, ‘валиться’ / *tao-s-a*– ‘валить’ и т.д.

#### 2. Transitivity

##### 1) декаузатив I / каузатив I, -as-:

<sup>34</sup> А.А. Холодович предлагает другую классификацию [Холодович 1979б: 29–54], но, на наш взгляд, принцип его классификации соотносим с принципом классификации К. Окуцу. В настоящей работе формы лексических (де)каузативов рассматриваются, вслед за А.А. Холодовичем, как формы так называемой первой основы глагола, что представляется вполне оправданным. В представленных глагольных формах последний элемент -a- (например, в форме *kae-r-a*–) является показателем первой основы первого спряжения, -i- (например, в форме *toj-i*–) – первой основы второго спряжения, -e- (например, в форме *tag-e*–) – первой основы третьего спряжения.

<sup>35</sup> Римскими цифрами обозначаются типы спряжения.

*her-a-* 'уменьшаться' / *her-as-a-* 'уменьшать'; *kawak-a-* 'сохнуть' / *kawak-as-a-* 'сушить'; *tir-a-* 'рассыпаться' / *tir-as-a-* 'рассыпать'; *ugok-a-* 'двигаться' / *ugok-as-a-* 'двигать'; *wak-a-* 'кипеть' / *wak-as-* 'кипятить' и т.д.

2) декаузатив II / каузатив I, *-as-*, *-os-*:

*mit-i-* 'наполняться' / *mit-as-a-* 'наполнять'; *nob-i-* 'удлиняться' / *nob-as-a-* 'удлинять'; *ok-i-* 'вставать' / *ok-os-a-* 'поднимать'; *or-i-* 'спускаться' / *or-os-a-* 'спускать'; *ot-i-* 'падать' / *ot-os-a-* 'ронять', 'опускать' и т.д.

3) декаузатив III / каузатив I, *-as-*:

*d-e-* 'выходить' / *d-as-a-* 'выносить'; *hi-e-* 'остывать' / *hi-yas-a-* 'остужать'; *hu-e-* 'увеличиваться' / *hu-yas-a-* 'увеличивать'; *mo-e-* 'гореть' / *mo-yas-a-* 'жечь'; *sam-e-* 'охладевать' / *sam-as-a-* 'охлаждать'; *tok-e-* 'растворяться', 'таять' / *tok-as-a-* 'растворять', 'растопливать' и т.д.

3. Intransitivization

1) декаузатив I, *-ar-* / каузатив I:

*hasam-ar-a-* 'находиться (быть зажатым) между кем-, чем-л.' / *hasam-a-* 'класть между кем-, чем-л.'; *husag-ar-a-* 'быть забитым' / *husag-a-* 'забивать'; *tsunag-ar-a-* 'соединяться' / *tsunag-a-* 'соединять' и т.д.

2) декаузатив I, *-ar-* / каузатив III:

*ag-ar-a-* 'подниматься' / *ag-e-* 'поднимать'; *hajim-ar-a-* 'начинаться' / *hajim-e-* 'начинать'; *hirog-ar-a-* 'расширяться' / *hirog-e-* 'расширять'; *kaw-ar-a-* 'меняться' / *ka-e-* 'менять'; *katam-ar-a-* 'твердеть' / *katam-e-* 'делать твердым'; *ow-a-r-a-* 'заканчиваться' / *o-e-* 'заканчивать'; *sag-ar-a-* 'спускаться' / *sag-e-* 'спускать'; *shim-ar-a-* 'закрываться' / *shim-e-* 'закрывать' и т.д.

3) декаузатив III, *-ar-* / каузатив I:

*um-ar-e-* 'родиться' / *um-a-* 'родить'.

4) декаузатив III / каузатив II:

*m-i-e-* 'быть видным' / *m-i-* 'видеть', 'смотреть'; *n-i-e-* 'вариться' / *n-i-* 'варить'.

Как следует из вышеприведенных примеров, в парах, относящихся к одному и тому же типу формальной деривации, можно обнаружить некую семантическую тенденцию. Но затруднительно установить общие правила соотношения между типом формальной деривации и семантикой входящих в него парных глаголов. Не вдаваясь в детальное обсуждение данного вопроса, отметим следующее. И.А. Мельчук, приводя в качестве иллюстрации японских парных (де)каузативов такой пример, как *um-ar-e-* 'родиться' / *um-a-* 'родить', пишет: «простые в смысловом отношении единицы могут быть формально производными (хотя бы исторически) от более сложных по смыслу» [Мельчук 1967: 353–354]. Как отмечает автор, принципиально различны вопрос о степени сложности семантической структуры и вопрос о направлении формальной деривации.

С точки зрения глагольного аспекта более существенным является то, что две ситуации, каждая из которых во внеязыковой действительности может возникать отдельно, независимо, будучи репрезентированными при посредстве членов каузативной пары, объединяются в смысловое единство.

В посмертно опубликованной монографии А.А. Холодовича «Глагол в современном японском языке» третья глава «Суперлексема» начинается со следующего высказывания: «Суперлексемами мы будем называть любую пару лексем, типа *отиру* 'падать': *отосу* 'ронять', 'уронить' = 'делать так, чтобы что-то падало', между членами которой существует регулярное семантическое (смысловое) и нерегулярное (и поэтому не предсказуемое и не подводимое под какое-либо правило, носящее общий характер) формальное отношение. Если первый член этой пары – лексема  $L_i$  – означает 'А находится в процессе (или состоянии) х', то второй член этой пары –  $L_j$  – чаще всего означает 'В (как правило, кто-то, а не что-то) делает так, чтобы А находилось в процессе (или состоянии) х'» [Холодович 1979б: 28]. Как уже было отмечено, члены каузативной пары в японском словаре регистрируются как отдельные вокабулы в силу того, что между ними

не наблюдается регулярного формального соотношения. Однако между ними признается регулярное семантическое отношение каузации. Исходя из этого, А.А. Холодович считает, что их следует объединить в «одну лексему» – суперлексему.

Традиционно глаголы делятся на переходные и непереходные, но автор утверждает, что «необходимо пойти дальше» [Там же], и предлагает следующую классификацию японских глаголов.

1. Суперлексеми:

1) Парные (соотносительные) непереходные глаголы.

2) Парные (соотносительные) переходные глаголы.

2. Непарные непереходные глаголы (Intransitiva tantum).

3. Непарные переходные глаголы (Transitiva tantum) [Там же: 28–29].

Какое значение имеет данная классификация для аспектуальности японского глагола?

Т. Кагэяма, рассматривая вендлеровскую классификацию с точки зрения «лексической концептуальной структуры» (Lexical Conceptual Structure – LCS) глагола, представляет концептуальную структуру японских каузативов следующим образом:

[[x ACT (ON y)] CONTROL [BECOME [y BE AT-z]]]<sup>36</sup> [Kageyama 1996: 91].

В американской лингвистике элемент, обозначенный выше ярлыком «CONTROL», принято обозначать ярлыком «CAUSE». Согласно Т. Кагэяме, «CAUSE» подразумевает успех каузации: например, английское предложение «*John turned on the light*» имплицитно означает «*The light came on*». Однако в японском языке отношение между связанными деривацией каузативом и декаузативом состоит в противопоставлении по линии «попытка – успех», т.е. каузатив может допускать конативную интерпретацию, например:

13) Пара «каузатив *tsuk-e-* ‘включать’ / декаузатив *tsuk-a-* ‘включаться’»:

*Denki o tsuke-Ø-ta keredo tsuka-Ø-nakat-ta.*  
свет ACC включать-PFV-PST ADVRS.CNJ включаться-PFV-NEG-PST  
‘(Я) включал свет, но (он) не включился’ [Kageyama 1996: 85].

Исходя из этого, Т. Кагэяма считает, что в LCS японских каузативов данному элементу более соответствует наименование «CONTROL», чем «CAUSE» [Ibid: 85–87].

Автор, обозначая каузирующую ситуацию данной структуры ([[x ACT (ON y)] CONTROL]) как «super-Event», а каузируемую ситуацию ([BECOME [y BE AT z]]) – как «sub-Event», считает, что Accomplishments (по Вендлеру) обозначают данную структуру целиком, Activities – суперсобытие (super-Event), Achievements – субсобытие (sub-Event) и States – его часть [y BE AT-z] [Kageyama 1996: 90].

Формула LCS Т. Кагэямы наглядно описывает структуру большинства суперлексем, но в плане аспектуальной характеристики допускает уточнения: в суперлексемах обнаруживаются следующие три типа LCS –

1) суперлексеми, у которых

каузатив: [[x ACT (ON y)] CONTROL [BECOME [y BE AT-z]]],

декаузатив: [BECOME [y BE AT-z]].

К данной группе относится большинство суперлексем: ЖЕЧЬ или ПЕЧЬ<sup>37</sup> *yak-a-* (C) / *yak-e-* (DC)<sup>38</sup>; КИПЯТИТЬ *wak-as-a-* (C) / *wak-a-* (DC); РАСШИРЯТЬ *hirog-e-* (C) / *hirog-ar-a-* (DC) и т.п. Ярлыком CONTROL обозначается каузация, допускающая конативную интерпретацию. В имперфективной форме на *-te-i-* каузатив обозначает каузацию как процесс [CONTROL] или, в некоторых случаях, как ее результирующее состояние [y BE AT-z], декаузатив – каулируемую ситуацию как результирующее состояние [y BE AT-z].

<sup>36</sup> В схеме LCS «x» обозначает внешний аргумент, «y» – внутренний аргумент, «z» – состояние.

<sup>37</sup> Суперлексема представляется каузативом и выделена прописными буквами.

<sup>38</sup> C обозначает каузатив, DC – декаузатив.

Перфективная форма каузатива обозначает каузирующую ситуацию или каузирующую и каузируемую ситуации вместе. Декаузатив в форме перфектива представляет собой пунктив.

- 14) *Hanako ga pan o yai-Ø-ta.*  
Ханако NOM хлеб ACC ПЕЧЬ.С-PFV-PST  
'Ханако испекла хлеб' или 'Ханако пекла хлеб'.
- 15) *Hanako ga pan o yai-te-i-ru.*  
Ханако NOM хлеб ACC ПЕЧЬ.С-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Ханако печет хлеб'.
- 16) *Pan ga yake-Ø-ta.*  
хлеб NOM ПЕЧЬ.DC-PFV-PST  
'Хлеб испекся' или 'Хлеб пекся'.
- 17) *Pan ga yake-te-i-ru.*  
хлеб NOM ПЕЧЬ.DC-CNV-AUX.IMPV-NPST.  
'Хлеб выпечен'.

2) суперлексем, у которых

каузатив: [[x АКТ (ON y)] CAUSE [BECOME [y BE AT-z]]],

декаузатив: [BECOME [y BE AT-z]].

Ко второй группе относятся 9 таких суперлексем, как ОСТАВЛЯТЬ *noko-s-a-* (C) / *noko-r-a-* (DC), ИСТОЩАТЬ ЗАПАС ЧЕГО-Л. *kir-as-a-* (C) / *kir-e-* (DC), НАЧИНАТЬ *hajime-* (C) / *hajim-ar-a-* (DC), ЗАКАНЧИВАТЬ *o-e-* (C) / *o-war-a-* (DC) и т.п. Под ярлыком «CAUSE» понимается моментальная успешная каузация, не допускающая конативной интерпретации. В форме перфектива и каузатив, и декаузатив представляют собой пунктив. В форме имперфектива и каузатив, и декаузатив обозначают результирующее состояние [y BE AT-z].

- 18) *Taroo ga kaigi o hajime-Ø-ta.*  
Тароо NOM заседание ACC НАЧИНАТЬ.С-PFV-PST  
'Тароо начал заседание' или 'Тароо начинал заседание'.
- 19) *Taroo ga kaigi o hajime-te-i-ru.*  
Тароо NOM заседание ACC НАЧИНАТЬ.С-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Тароо начал заседание (и проводит)'.
- 20) *Kaigi ga hajimat-Ø-ta.*  
заседание NOM НАЧИНАТЬ.DC-PFV-PST  
'Заседание началось' или 'Заседание начиналось'.
- 21) *Kaigi ga hajimat-te-i-ru.*  
заседание NOM НАЧИНАТЬ.DC-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Заседание началось (и продолжается)'.

3) суперлексем, у которых

каузатив: [[x АКТ (ON y)] CONTROL [BECOME [y АКТ (ON y) CONTROL]]],

декаузатив: [BECOME [y АКТ (ON y) CONTROL]].

К данной группе относятся 30 таких суперлексем, как ДВИГАТЬ *ugok-as-a-* (C) / *ugok-a-* (DC), ВЕРТЕТЬ *mawa-s-a-* (C) / *mawa-r-a-* (DC), ПРОПУСКАТЬ *too-s-a-* (C) / *too-r-a-* (DC), КАТАТЬ / КАТИТЬ *koroga-s-a-* (C) / *koroga-r-a-* (DC) и т.п. В суперлексеме каузируемая часть обозначает ситуацию, требующую [CONTROL]; в форме имперфектива и каузатив, и декаузатив обозначают процесс [CONTROL].

- 22) *Kodomo ga booru o korogashi-Ø-ta.*  
ребенок NOM мяч ACC КАТАТЬ/КАТИТЬ.С-PFV-PST  
'Ребенок покатал мяч' или 'Ребенок катал (катил) мяч'.

- 23) *Kodomo ga booru o korogashi-te-i-eu.*  
ребенок NOM мяч ACC КАТАТЬ/КАТИТЬ.C-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Ребенок катит мяч'.
- 24) *Booru ga korogat-Ø-ta.*  
мяч NOM КАТАТЬ/КАТИТЬ.DC-PFV-PST  
'Мяч покати́лся (покатался)' или 'Мяч ката́лся (катился)'.
- 25) *Booru ga korogat-te-i-ru.*  
мяч NOM КАТАТЬ/КАТИТЬ.DC-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Мяч катится'.

Таким образом, три группы суперлексем различаются тем, какое значение реализуется в форме на *-te-i-* в имперфективной зоне каждой подситуации, см. Таблицу 3.

Таблица 3

**Значение имперфектива в подситуациях**

|                       | Каузирующая ситуация | Каузируемая ситуация |
|-----------------------|----------------------|----------------------|
| Суперлексемы 1 группы | прогрессив           | результатив          |
| Суперлексемы 2 группы | результатив          | результатив          |
| Суперлексемы 3 группы | прогрессив           | прогрессив           |

Transitiva tantum и Intransitiva tantum делятся на две группы.

1. Transitive tantum (Tr. t.)

- 1) Tr. t., которые в форме имперфектива имеют прогрессивное значение:  
*utau* 'петь', *yomu* 'читать', *taberu* 'есть', *nomu* 'пить', *tsukau* 'использовать', *hakobi* 'носить', *matsu* 'ждать' и т.д.
- 2) Tr. t., которые в форме имперфектива имеют результативное значение:  
*ushinai* 'терять', *ubai* 'отнимать', *oki* 'класть', *humi* 'ступать на что-л.', *yurusu* 'прощать, разрешать' *wasureru* 'забывать' и т.д.

2. Intransitive tantum (Intr. t.)

- 1) Intr. t., которые в форме имперфектива имеют прогрессивное значение:  
*hataraku* 'работать', *asobu* 'играть', *aruku* 'шагать, ходить', *hashiru* 'бежать', *oyogu* 'плавать', *hanasu* 'говорить', *sumu* 'жить', *warau* 'смеяться', *naku* 'плакать', *huru* 'идти (о дожде, снеге)' и т.д.
- 2) Intr. t., которые в форме имперфектива имеют результативное значение:  
*iku* 'идти от говорящего', *kuru* 'приходить к говорящему', *kusaru* 'гнить', *kekkon-suru* 'жениться, выходить замуж', *damaru* 'умолчать', *hutoru* 'толстеть', *yaseru* 'худеть', *sinu* 'умирать' и т.д.

Tr. t. и Intr. t., которые в форме имперфектива имеют прогрессивное значение, являются неопределёнными: их правая граница не закрыта. Tr. t. и Intr. t., которые в форме имперфектива имеют результативное значение, представляют собой пунктив.

Исходя из сказанного выше относительно простых глаголов японского языка, предельные глаголы можно определить следующим образом: предельным является каузатив суперлексем, который в форме на *-te-i-* имеет прогрессивное значение, а его парный декаузатив в той же форме является результативом, иными словами, каузатив суперлексем первой группы.

Понятие суперлексем имеет существенное значение для аспектуальности японского глагола. Однако А.А. Холодович теоретически обосновывал понятие суперлексем, исходя не из семантической структуры, актуальной для аспекта, а из диатезного соотношения каузатива и декаузатива. В вышеупомянутой монографии «Глагол в современном японском языке» А.А. Холодович вводит термин «суперлексема» в первой же главе, озаглавленной «Парадигма» [Холодович 1979б: 16–19], которая предшествует

главе, посвященной собственно суперлексеме [Там же: 28–54]. Говоря о парадигме, автор обосновывает понятие суперлексе́мы следующим образом. В японском языке лекса *kak-u* и лекса *kak-a-r-e-ru*, представляющая собой морфологический антикаузатив первой, входят в парадигму лексемы ПИСАТЬ. При общем лексическом значении они отличаются друг от друга диатезой – на поверхностно-синтаксическом уровне. В то же время парные лексические каузатив и декаузатив в японской лексикографии традиционно регистрируются как разные вокабулы. При этом они имеют общую семантическую структуру, в том числе ролевую, и отличаются друг от друга диатезой. В таком случае, утверждает исследователь, в рамках теории их следует свести в одно единство и зафиксировать его терминологически – как суперлексему [Там же: 17–19].

В Японии ряд авторов, в том числе К. Окуцу [Okutsu 1967: 49] и Э. Хаяцу [Hayatsu 1987: 81], при определении парности глаголов по переходности помимо семантического и морфологического критериев выдвигают и синтаксический. Согласно их критериям, переходные и непереходные глаголы, обнаруживающие семантическую и формальную корреляцию каузатива и декаузатива, могут составлять пару только тогда, когда между предложениями, в которых они выступают, наблюдается следующее диатезное соответствие, т.е. актантная деривация:

NP<sub>1</sub> ga (NOM) NP<sub>2</sub> o (ACC) V<sub>tr.</sub>  
NP<sub>2</sub> ga (NOM) V<sub>intr.</sub>

Например, члены суперлексе́мы ВАРИТЬ *yud-e-* (C) / *yud-ar-a-* (DC):

- 26) *Hanako ga tamago o yude-te-i-ru.*  
Ханако NOM яйцо (яйца) ACC ВАРИТЬ.C-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Ханако варит яйцо (яйца)'.  
27) *Hanako ga tamago o yude-Ø-ta.*  
Ханако NOM яйцо (яйца) ACC ВАРИТЬ.C-PFV-PST  
'Ханако варила (сварила) яйцо (яйца)'.  
28) *Tamago ga yudat-Ø-ta.*  
яйцо (яйца) NOM ВАРИТЬ.DC-PFV-PST  
'Яйцо (яйца) сварилось (сварились)'.  
29) *Tamago ga yudat-te-i-ru.*  
яйцо (яйца) NOM ВАРИТЬ.DC-CNV-AUX.IMPV-NPST  
'Яйцо (яйца) сварено (сварены)'.

О том, что смена диатезы при декаузативе способствует не столько его одновалентность (непереходность), сколько декаузативация, свидетельствует еще одна конструкция результата:

- 30) *Tamago ga yude-te-ar-u.*  
яйцо (яйца) NOM ВАРИТЬ.C-CNV-AUX.ORES-NPST  
'Яйцо (яйца) сварено (сварены) (Яйцо (яйца) варили)'.

В результативной конструкции, подобной представленной в (30), в форме на *-te-ar-* выступает исключительно каузатив<sup>39</sup>. При каузативе в форме на *-te-ar-* наложен запрет на указание агенса и в качестве единственного актанта выступит пациенс. Данный результатив А.А. Холодович назвал объектным, а результатив, реализуемый при декаузативе в форме на *-te-i-*, – субъектным [Холодович 1979а: 9–22]. Объектный результатив отличается от субъектного тем, что первый при удалении определенного

<sup>39</sup> Форма на *-te-ar-* может выступать в других конструкциях, где пациенс оформляется при помощи послелога *o* или в данной форме употребляется непереходный глагол. В таких конструкциях, как представляется, форма на *te-ar-* является не столько результативом, т.е. статальным перфектом, сколько акциональным перфектом.

агенса имплицитно неопределенный агент, т.е. Каузатор не удаляется, тогда как в последнем Каузатор совсем «уходит За кадр» [Падучева 2001: 64]. Имплицитный неопределенный агент сохраняется в каузативе в форме на *-te-ar-* семантику «агентивность»: в объектном результате состояние интерпретируется как контролируемое «Каузатором За кадром».

Можно сказать, что объектный результатив представляет собой морфолого-синтаксическую (диатезную) декаузативацию при каузативе. В языке обнаруживается ступенчатая декаузативация по степени удаленности Каузатора. Е.В. Падучева полагает, что декаузативация представляет собой не столько «понижающую» актантную деривацию<sup>40</sup>, сколько «интерпретирующую», при которой «количество участников ситуации может не меняться, однако на их, так сказать, референциальную природу могут накладываться некоторые ограничения» [Плунгян 2003: 214], поскольку при декаузативации Каузатор (причина) не исключается, а «превращается из актанта в сирконстант» [Падучева 2001: 63–64, 77]. Исходя из этого, исследователь трактует декаузативацию «как чисто диатезический сдвиг, не меняющий лексического значения глагола» [Там же: 77]. Трактовку Е.В. Падучевой поддерживает введенное А.А. Холодовичем понятие суперлексемы, которая в японском языке способствует ступенчатой декаузативации.

Интересная корреляция суперлексемы и формы на *-te-i-* наблюдается и в рефлексивной интерпретации последней. В японском языке рефлексивы не маркируются морфологически. Однако ряд исследователей, в том числе Ё. Нитта [Nitta 1982: 79–90], называет рефлексивными малочисленную группу глаголов, подобных глаголам *kiru* 'надевать (одежду)', *haku* 'надевать (обувь, носки, брюки и т.п.)', *kaburu* 'надевать (головной убор)', исходя из их семантики и ряда грамматических признаков. В качестве одного из этих признаков отмечается то, что рефлексивные глаголы, являясь переходными, в форме на *-te-i-* могут получать как прогрессивное, так и результативное значение (напомним, что в японском языке глагол в форме на *-te-i-*, как правило, может выражать только одно из них).

- 31) *Hanako wa ima heya-de kimono o ki-te-i-ru.*  
Ханако TOP сейчас комната-INS кимоно ACC надевать-CNV-AUX.  
IMPFV-NPST

‘Ханако сейчас в комнате надевает на себя кимоно’.

- 32) *Hanako wa kyoo wa kimono o ki-te-i-ru.*  
Ханако TOP сегодня TOP кимоно ACC надевать-CNV-AUX.IMPFV-  
NPST

‘Ханако сегодня одета в кимоно’.

Диатеза была определена А.А. Холодовичем и И.А. Мельчуком как схема «соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Мельчук, Холодович 1970: 117]. Однако данное определение не дает оснований для адекватного описания рефлексивного и реципрокного преобразования исходной активной конструкции. Исходя из того, что проблема состоит в отсутствии референтного уровня в рассмотрении диатезы, В.С. Храковский трактует последнюю как соответствие единиц трех уровней: референтного (партиципанта, исполнителя), семантического (роли) и синтаксического (актанта) [Храковский 1981: 10–11] – и тем самым к диатезным преобразованиям относит и рефлексивное и реципрокное. В отличие от исходной активной конструкции, где «имеет место одно-однозначное соответствие между референтами (= исполнителями) и ролями глагольной лексемы», в производной рефлексивной конструкции «один референт выступает как минимум в двух ролях глагольной лексемы» [Там же: 13].

В японском языке рефлексив-каузатив не имеет своего парного декаузатива. Поскольку при рефлексиве субъекты каузирующей и каузируемой ситуации соотносятся с

<sup>40</sup> См. [Плунгян 2003: 212–214].

одним и тем же референтом, форма на *-te-i-* может обозначать любую имперфективную зону в LCS: как [CONTROL], так и [BE AT-z]. Переход зоны, обозначаемой формой на *-te-i-*, от [CONTROL] к [BE AT-z] имплицитно подразумевает переход фокуса от Каузатора к Каузируемому, что представляет собой декаузативацию, причем последней при рефлексиве так же, как в случае с формой на *-te-ar-*, способствует семантический компонент «контроль Каузатором За кадром». Это также является своего рода «диатетическим сдвигом».

Декаузативацию, имеющую место при рефлексиве, назовем рефлексивной декаузативацией. Как отмечают исследователи<sup>41</sup>, в языке рефлексивная декаузативация наблюдается не только у собственно рефлексивов, но и у прочих каузативов, допускающих «посессивно-рефлексивную» интерпретацию ситуации.

- 33) *Hanako no heya no mado ga ai-te-i-ru.*  
Ханако GEN комната GEN окно NOM ОТКРЫВАТЬ.DC-CNV-AUX.  
IMPFV-NPST

‘Окно комнаты Ханако открыто’.

- 34) *Hanako wa ichinichi-juu heya no mado o ake-te-i-ru.*  
Ханако TOP целый день комната GEN окно ACC ОТКРЫВАТЬ.  
C-CNV-AUX.  
IMPFV-NPST

‘У Ханако в комнате целый день окно открыто (Ханако целый день держит окно (своей) комнаты открытым)’.

В примере (33) при декаузативе суперлексемы «Каузатор (причина) уходит За кадр», т.е. «несущественна причина данного состояния» [Падучева 2001: 77], тогда как в примере (34) при каузативе состояние, возникшее вследствие декаузативации, находится под контролем Каузатора. Окно принадлежит ему так же, как и его одежда.

Учитывая сказанное, следует внести поправку в предложенное выше определение простых предельных глаголов: в японском языке предельными являются рефлексивы, а также каузатив суперлексемы, который в форме на *tei-* имеет прогрессивное значение и парный декаузатив которого в той же форме является результатом.

Как представляется, в семантической структуре (де)каузативации А.А. Холодовича интересовало не направление каузативно-декаузативной деривации, а общая глубинная семантическая основа, представляющая собой, если использовать формулировку Е.В. Падучевой, «деривационный потенциал данного класса» [Падучева 2001: 55], который способствует взаимодействию глагольных категорий и порождает их формальную организацию.

В заключение отметим перспективы изучения японского глагольного аспекта. Мы считаем важным решение следующих задач. Во-первых, функционально-семантический анализ всех без исключения аспектуальных форм глагола, в том числе образованных при помощи показателей в третьем и четвертом порядках, с точки зрения их взаимосвязей с центром поля аспектуальности, в котором располагаются противопоставление перфектива и имперфектива, с одной стороны, и противопоставление суперлексем *Transitiva tantum* и *Intransitiva tantum*, с другой. Во-вторых, описание системы образования сложных глаголов как механизма расширения круга «ситуационных типов», ядро которого составляют суперлексемы.

<sup>41</sup> Холодович как одну из разновидностей субъектного результата отмечает результатив двувалентных прямопереходных глаголов, к которым автор относит глаголы «надевания» и «насебеношения» [Холодович 1979а: 9–10]. О рефлексивном употреблении каузативов также см. [Kudoo 1982: 59–61].

## УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

|           |                                      |
|-----------|--------------------------------------|
| ACC       | аккузатив                            |
| ADVRS.CNJ | противительный союз                  |
| AUX       | вспомогательный глагол               |
| C         | каузатив                             |
| CNV       | конверб                              |
| DC        | декаузатив                           |
| DAT       | датель                               |
| GEN       | родительный                          |
| IMPFV     | имперфектив                          |
| INS       | инструменталис                       |
| LCS       | лексическая концептуальная структура |
| NEG       | отрицание                            |
| NOM       | номинатив                            |
| NPST      | непрошедшее время                    |
| ORES      | объектный результатив                |
| PFV       | перфектив                            |
| PL        | множественность                      |
| PST       | прошедшее время                      |
| TOP       | топик                                |

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1978 – В.М. Алпатов. Об особенностях японской лингвистической традиции // ВЯ. 1978. № 4.
- Алпатов 1983 – В.М. Алпатов. Проблемы морфемы и слова в современном японском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Алпатов и др. 2008 – В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М., 2008.
- Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Бондарко 2003 – А.В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2003.
- Канэко 2005 – Ю. Канэко. Начинательность в системе аспектуальных значений в русском языке в сравнении с японским языком (опыт сопоставительного анализа языковой картины мира): Дис. ... канд. филол. наук. Токио, 2005.
- Лаврентьев 2009 – Б.П. Лаврентьев. Практическая грамматика японского языка. 5-е изд. М., 2009.
- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Мельчук 1967 – И.А. Мельчук. К понятию словообразования // ИАН СЛЯ. 1967. Т. XXVI. Вып. 4.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1970. № 4.
- Недялков В., Сильницкий 1969 – В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Недялков И. 1988 – И.В. Недялков. Типологизация языков по признаку наличия многозначных глагольных форм с прогрессивным и перфектным значениями // В.И. Подлесская (ред.). Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988.
- Падучева 2001 – Е.В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Перфектив, комплетив, пунктив: Терминология и типология // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2003.
- Смит 1998 – К.С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.

- Холодович 1963 – *А.А. Холодович*. О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Е.М. Пинус, С.И. Иванов (ред.). Филология стран Востока. Л., 1963.
- Холодович 1969 – *А.А. Холодович*. Морфологический и лексический каузативы в японском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Холодович 1979а – *А.А. Холодович*. Результатив в современном японском языке // Японское языкознание. М., 1979.
- Холодович 1979б – *А.А. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский 1981 – *В.С. Храковский*. Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // В.С. Храковский (ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Hayatsu 1987 – *E. Hayatsu*. Taioo suru ta-dooshi-no aru ji-dooshi-no imiteki, toogoteki tokuchoo // Gengogaku kenkyuu. № 7. Kyoto, 1987.
- Hayatsu 1989 – *E. Hayatsu*. Yuutai-ta-dooshi to mutai-ta-dooshi-no chigai-ni tsuite // Gengo kenkyuu. № 95. Tokyo, 1989.
- Hujii 1976 – *T. Hujii*. «Dooshi + teiru»-no imi // H. Kindaichi (ed.). Nihongo-dooshi-no asupekuto. Tokyo, 1976.
- Kageyama 1996 – *T. Kageyama*. Dooshi imi-ron. Tokyo, 1996.
- Kindaichi 1976 – *H. Kindaichi*. Kokugo-dooshi-no ichibunrui // H. Kindaichi (ed.). Nihongo-dooshi-no asupekuto. Tokyo, 1976.
- Kobayashi 1927 – *Y. Kobayashi*. Kokugo-kokubumpoo yoogi. Tokyo, 1927.
- Kudoo 1982 – *M. Kudoo*. Shiteiru-keishiki-no imi-kijutsu // Musashi-daigaku jimbun-gakkai zasshi V. 13. № 4. Tokyo, 1982.
- Kudoo 1989 – *M. Kudoo*. Gendai-nihongo-no paafekuto-o megutte // Kotoba-no kagaku 3. Tokyo, 1989.
- Kudoo 1995 – *M. Kudoo*. Asupekuto-tensu-taikei to tekusuto. Tokyo, 1995.
- Kudoo 2004 – *M. Kudoo et al.* Nihongo-no asupekuto-tensu-muudo-taikei. Tokyo, 2004.
- Matsushita 1924 – *D. Matsushita*. Hyoojun nihon bumpoo. Tokyo, 1924.
- Moriya 1994 – *M. Moriya*. Nihongo-no asupekuto-ron-ni kansuru oboegaki // Nihongo-nihonbungaku. № 4. Tokyo, 1994.
- Nitta 1982 – *Y. Nitta*. Saiki-dooshi, saiki-yoohoo // Nihongo kyooiku. № 47. Tokyo, 1982.
- Okuda 1985 – *Y. Okuda*. Asupekuto-no kenkyuu-o megutte // Y. Okuda. Kotoba-no kenkyuu. Josetsu. Tokyo, 1985.
- Okutsu 1967 – *K. Okutsu*. Jidoo-ka tadoo-ka oyobi ryookyoku-ka tenkei // Kokugo-gaku 70. Tokyo, 1967.
- Sakuma 1983 – *K. Sakuma*. Gendai-nihongo-no hyoogen to gohoo. Tokyo, 1983.
- Soejima 2007 – *K. Soejima*. Nihongo-no asupekuto-taikei-no kenkyuu. Tokyo, 2007.
- Suda 2010 – *Y. Suda*. Gendai-nihongo-no asupekuto-ron. Tokyo, 2010.
- Suzuki 1972 – *Sh. Suzuki*. Nihongo bumpoo. Keitai-ron. Tokyo, 1972.
- Suzuki 1976 – *Sh. Suzuki*. Nihongo-dooshi-no sugata-ni tsuite // H. Kindaichi (ed.). Nihongo-dooshi-no asupekuto. Tokyo, 1976.
- Takahashi 1985 – *T. Takahashi*. Gendai-nihongo-dooshi-no asupekuto to tensu. Tokyo, 1985.

*Сведения об авторе:*

Юкари Конума  
СПбГУ  
ikezuki@yahoo.com